

А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ

**Ф. И. УСПЕНСКИЙ КАК ПРОФЕССОР И НАУЧНЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ**

20 лет жизни Ф. И. Успенского связаны с его работой в Новороссийском, ныне Одесском государственном университете им. И. И. Мечникова. В 1874 г., молодым доцентом, начал он здесь чтение лекций по всеобщей истории, а в 1894 г., будучи уже главой русского византиноведения и пользуясь широкой известностью в мировой науке, он отправился в Константинополь, где протекало следующее двадцатилетие его плодотворной деятельности в качестве директора Русского археологического института.

Я был связан с Ф. И. в течение 42 лет как один из его ближайших учеников. В Новороссийском университете я пробыл 6 лет — с 1886 по 1892 г. По окончании курса историко-филологического факультета я готовился под руководством Ф. И. к ученой деятельности.

Чтобы судить о работе профессора, необходимо прежде всего учесть обстановку, в которой протекала эта работа. По уставу 1884 г., на историко-филологическом факультете было два отделения — историческое и славяно-русское, но по существу это были только уклоны, так как факультет в основном был классическим; значительнейшее число часов отводилось на чтение и объяснение античных писателей и на практические занятия по греческой и римской филологии. Только с 1888 г. было восстановлено старое деление факультета на три отделения, — классическое, историческое и славяно-русское, причем античная филология сохранила свою гегемонию.

Историко-филологический факультет был очень малолюднен; на всех трех отделениях значилось обыкновенно не более 50 студентов.

Ф. И. Успенский начал преподавать в Университете при уставе 1863 г.; к новому толстовско-деяновскому уставу он относился

отрицательно и, при всей своей сдержанности, не скрывал этого чувства от своих слушателей.

Чтение курсов всеобщей истории было разделено на факультете между двумя профессорами: Ф. И. Успенский читал историю Средних веков и историю древней Греции и Рима, а А. С. Трачевский — новую историю (с XVI в.) и историю древнего Востока и иногда — историю первобытной культуры.

В 1890 г. А. С. Трачевский вышел в отставку, а в следующем году из Харькова в Одессу перешел В. К. Надлер, который работал в качестве декана историко-филологического факультета и читал курс новой истории. В. К. Надлер скончался в 1894 г., а в 1895 г., уже после переезда Ф. И. Успенского в Константинополь, на кафедре всеобщей истории в Одессу был назначен Р. Ю. Виппер, бывший здесь, впрочем, весьма недолго. Отмечаю попутно, что в 1894 г. покинул Новороссийский университет приват-доцент Ф. Е. Афанасьев, имевший степень доктора всеобщей истории, талантливый ученый и превосходный лектор, но лишенный возможности получить кафедру вследствие политической „неблагонадежности“.

Осенью 1886 г. я впервые стал слушать лекции Ф. И. Успенского. Кроме общих курсов истории Средневековья, Греции и Рима, он читал в разные годы много специальных курсов: историю крестовых походов, историю южных славян до турецкого завоевания, историографию Византии, историю византийско-русских отношений в IX и X вв., древний период русской и юго-славянской истории в связи с изучением византийской истории и др. Кроме того, он вел разнообразные практические занятия.

Среди студентов Ф. И. пользовался большим уважением как крупнейший ученый, страстно преданный науке, очень строгий к себе и весьма требовательный по отношению к своим ученикам. По содержанию своему, по научному достоинству материала, по стройной структуре и по систематичности изложения лекции Ф. И. стояли на большой высоте. Перечитывая теперь литографированные курсы лекций Ф. И. восьмидесятых годов, я вновь убеждаюсь, что это был не только большой ученый, но и превосходный педагог, который самые сложные и запутанные явления мог изложить ясно и доходчиво, обладал чувством меры, не увлекался деталями и искусно выделял существенное.

Во время своих поездок за границу Ф. И. не только изучал византийские и славянские документы в библиотеках и архивах, но и посещал лекции и семинары корифеев западной исторической науки. Создавая свою методику университетского преподавания и руководства научными занятиями учащейся молодежи, Ф. И. искал, где

только мог, примеров для сравнения, подвергал анализу приемы других преподавателей и т. п. Ф. И. тщательно готовился к лекциям, но читал без записок; только иногда он держал на кафедре листок с планом лекции.

Ф. И. правильно относят к группе русских историков-позитивистов умеренно-либерального направления. Он добросовестно, с чрезвычайным научным ригоризмом, искал исторической истины, но он отнюдь не был бесстрастным исследователем прошлых времен. Подобно своему учителю В. И. Ламанскому, он отвергал отчужденность науки от национальных и общественных интересов, но эти национальные интересы понимались им совершенно не так, как представителями российского официального национализма; он был прежде всего гуманист. Будучи глубоким знатоком славянского мира в его прошлом и настоящем, одушевляемый идеей „славянской взаимности“, выдвинутой Ламанским, горячо преданный интересам славянства, Ф. И. был в то же время совершенно свободен от крайностей славянофильства; как и у Ламанского, в мировоззрении Ф. И. господствовал примиряющий синтез славянофильства с западничеством.

Отмечу еще одну важную черту в мировоззрении и научном творчестве Ф. И. С конца семидесятых годов лучшие русские историки, как известно, проявляли огромный интерес к социально-экономическим вопросам, к земельным отношениям, к положению крестьянства, к судьбам крестьянской общины. Для русских историков это были актуальнейшие, жизненные вопросы. Это вытекало из отношения этих историков к русской действительности. Совершенно не случайно одновременно (в 1879 г.) с книгой Н. И. Кареева о французских крестьянах в последней четверти XVIII в. появилась замечательная работа В. Г. Васильевского „Материалы для внутренней истории византийского государства“. В том же направлении шли главные работы И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и Ф. И. Успенского. С 1883 г. стали печататься исследования Ф. И. о землевладении и о крестьянской общине в Византии, о связи социальных реформ и социальных движений в Византии со славянской иммиграцией, о процессе феодализации византийского общества и др.

Указанные выше черты налагали яркий отпечаток на лекции и семинарские занятия Ф. И. На своих лекциях он нередко говорил с увлечением, горячо защищал то или иное положение, но никогда не переходил на платформу публицистики. Ф. И. как теоретик и исследователь не был свободен от слишком смелых выводов. Мы, его слушатели, следившие за развитием исторической

науки о Византии и славянстве, знали, конечно, веские замечания В. Г. Васильевского по поводу некоторых положений Ф. И. в его докторской диссертации об образовании Второго болгарского царства; в полемике Васильевского с Ф. И. на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ по поводу постройки крепости Саркел мы склонялись на сторону первого; трактовка Ф. И. термина „друнгос“ казалась нам слишком смелой. Но эти частности нисколько не умаляли в наших глазах ученой авторитетности нашего профессора. Слушатели Ф. И. по Одесскому университету пошли по различным направлениям: Б. Фармаковский стал выдающимся археологом, Мендес сделался солидным специалистом в области классической филологии, Айналов и Редин приобрели известность как искусствоведы, Рефабек специализировался в области истории императорского Рима, и т. д., но все они считали своим учителем Ф. И., о котором сохраняли благодарную память.

Обратимся к краткому анализу лекций Ф. И. Ежегодно он читал общий курс Средневековья. Содержание этих курсов менялось, но генеральная линия, начертанная им уже во вступительной лекции, которую он прочел осенью 1874 г., оставалась неизменной. В вводной главе курса, который я слушал во второй половине восьмидесятых годов прошлого века, Ф. И. справедливо критиковал русские учебники и руководства по средневековой истории, неизменно составлявшиеся по немецким и французским образцам, где греко-славянскому миру не отводилось должного места. Это свидетельствует о том, говорил Ф. И., что мы еще недалеко ушли в понимании прямых задач русской исторической науки и что чужие примеры продолжают оставаться для нас обязательными. Во Франции и Германии всеобщая история строится так, что центр тяжести сосредоточен на фактах национальной истории, а истории других народов отводится служебное место; особенно пренебрежительно западные историки относятся к истории восточно-европейских народов. А между тем с точки зрения русской исторической науки полезнее поступиться некоторыми фактами и явлениями истории Запада, чтобы уделить подобающее место византийской и славянской истории. Для нас, говорил Ф. И., известия Прокопия и Константина Багрянородного имеют такую же важность, как для немцев и французов известия Тацита и Григория Турского. Особенно резко критиковал Ф. И. немецкую историографию, сильнее всего образцом насыщенную национализмом. Если немцы изучают славянский мир, то делается это обыкновенно с националистической точки зрения, с привнесением тенденциозных утверждений, цель которых сводится к тому, чтобы оправдать порабощение славянских племен и лишить их

подобающей им роли в истории. Неправильно утверждение, говорил Ф. И., что отражением арабского натиска Европа обязана франкам, а монгольского — немцам. Изучение истории восточно-европейских народов необходимо для нас по многим причинам, а прежде всего как важное пособие для понимания отечественной истории, древней период которой развивался на общеславянских началах, проходил под сильным воздействием славяно-византийского юга и характеризуется впоследствии обратным влиянием Руси на весь греко-славянский Восток. Кроме того, славяноведение было в России главным поприщем ученой деятельности, в которой проявились первые плоды самостоятельного мышления и самобытных теорий.

На своих лекциях по истории Средних веков Ф. И. разрушал предвзятое мнение, будто бы вся история Византии представляет собою сплошную картину тысячелетнего упадка и разрушения, скучного, косного, однообразного топтания на одном месте. Он умел показать, что история Византии наполнена ожесточенной борьбой вокруг социально-экономических, политических и идеологических вопросов, что за борьбой богословских партий стояли политические группировки, что культурное влияние Византии на Запад гораздо старше XV в. и что оно не ограничивалось передачей Западу одних только формальных знаний греческого языка и античной греческой литературы. Для нас, говорил Ф. И., Византия не археологическая или отвлеченная проблема, а реальный предмет, важный для познания нашей собственной истории; при этом он настойчиво указывал на то, что Новороссийский университет должен стать очагом изучения истории Византии и славянского мира.

Излагая на лекциях древнюю историю славян, Ф. И. производил обстоятельный и углубленный анализ источников. Скифский вопрос, говорил он, для нас так же важен, как кельтский вопрос для истории Франции и Англии. Из ученой литературы по славяноведению он особенно выделял „Славянские древности“ Шафарика, но критиковал его славянофильские увлечения. Ф. И. знакомил свою аудиторию с трудами Цейса, Дринова, Забелина, Воцея, Иречка, Пыпина, Макушева, Будиловича, Гаркави, Томека, Палацкого, Гильфердинга, Ламанского, с работами по истории славянского права — Леонтовича и Котляревского, по славянской филологии — Востокова, Срезневского и Бодянского.

Вопросу о заселении Балканского полуострова славянами Ф. И. в своих лекциях уделял подобающее место. После обстоятельной критики теории Фальмерайера следовал анализ трудов Папарригупуло, Сурмелиса, Гопфа, Миклошича, Дринова и др., а затем изложение воззрений на данный вопрос самого Ф. И. Останавливаясь

на законодательстве византийских царей-иконоборцев Льва III и Константина Копронима, Ф. И. трактовал это законодательство в связи со славянской иммиграцией, делая параллельные экскурсы в область юридических отношений в Болгарии, Сербии и Руси и выдвигая тезис о том, что славяне не только заимствовали византийскую культуру, но и оказывали обратное влияние, что нашло свое выражение, между прочим, в „Земледельческом законе“.

На протяжении всего курса своих лекций Ф. И. настойчиво проводил мысль о том, что историю Византии и славянских народов необходимо излагать не изолированно, а в тесной связи с историей Западной Европы, пользуясь сравнительным методом. Он решительно отвергал теорию о „самобытном“ развитии Византии, совершенно отличном от развития Запада. Он доказывал, что экономические и социальные процессы могли проявляться в Византии в несколько иной форме, могли протекать иными темпами, но по существу эти процессы и на Западе и в Византии были аналогичны.

Излагая вопрос о судьбе свободного крестьянского землевладения в Византии, Ф. И. опровергал господствовавшую теорию Цахариэ о том, что к началу XI в. свободная крестьянская община исчезла. В противовес Цахариэ Ф. И. выдвигал свою, хорошо документированную теорию о том, что крестьянская община, принесенная славянами, оздоровившая организм Византии, спасшая Византию от арабов, болгар, норманнов, крестоносцев и турок-сельджуков, существовала значительно позже XI в., что она впала в бессилие только в XIV—XV вв. вместе с развитием системы прони, которую Ф. И. рассматривал как подготовительную стадию феодализма в Византии и сближал с западной бенефициальной системой.

Превосходно документированным был раздел о франкской монархии и Италии в период Каролингов и о монархии Карла Великого. Здесь Ф. И. отчетливо излагал германскую и романскую теории развития феодальных отношений и уделял необходимое внимание Инама-Штернеггу и Сибому. Историю Запада в X и XI вв. Ф. И. излагал параллельно с историей Византии и славянских народов (ведь Ф. И. был автором отличной книги о первых славянских монархиях на северо-западе, написанной еще в студенческие годы). Западно-европейской историей XI и начала XII вв., движением городов, историей Генриха III, Григория Гильдебранда, так называемой борьбой за инвеституру и т. д. заканчивался семестровый курс лекций по истории раннего Средневековья, очень богатый по содержанию и искусно построенный.

История XII—XV вв. читалась на другом семестре. Я оставался на этом курсе не буду, так как он обладал теми же

достоинствами и строился на тех же принципах. Ф. И. вводил своих слушателей в науку. Он не ограничивался изложением чужих мнений и теорий; он подвергал их обстоятельному анализу и выдвигал свою точку зрения.

Необходимо заметить, что Ф. И. нередко отступал от установившейся профессорской традиции, заключавшейся в чтении лекций перед безмолвной аудиторией. Он активизировал слушателей вопросами, вызывал замечания. В конце семестра он устраивал „коллоквиум“, на котором выдвигались узловые темы. Эта работа сильно увлекала студентов, давала им возможность под искусным руководством профессора обозреть весь курс лекций и твердо зафиксировать главнейшие моменты, а профессор мог в процессе этой работы знакомиться с индивидуальностью отдельных слушателей и оценивать их силы.

Венцом научно-педагогического творчества Ф. И. были практические занятия со студентами по истории Средних веков. Они заключались в чтении и объяснении основных источников: Тацита, Проклпия, Константина Порфирородного, „варварских правд“, капи-туляриев, формул, отрывков из хроник, источников по истории крестовых походов и др. Занятия эти были чрезвычайно плодотворны. Каждому источнику Ф. И. давал обстоятельную характеристику относительно его происхождения, достоверности, состояния рукописного наследия, научной литературы, связанной с источником, и т. д. Тексты читались больше студентами, чем профессором; это вынуждало участников семинара готовиться к предстоящему занятию. Чтение сопровождалось обстоятельным комментарием, который имел задачей вскрыть экономическую, социальную и политическую ситуацию эпохи и общества, к которым относился источник, осведомить студентов о соответствующей научной литературе, анализировать толкования различными учеными того или другого места в источнике, ввести студентов в критику текста и т. д. Занятия эти являлись превосходной исторической школой. Здесь Ф. И. обнаруживал свою исключительную начитанность в источниках и в научной литературе. В библиотеке Одесского университета сохранилась огромная тетрадь, в которую вносились заглавия всех научных книг, которые Ф. И. брал из этой библиотеки на протяжении 20 лет, с 1875 по 1894 г. Литература эта поражает своим количеством и разнообразием. Но ведь это была только часть духовной пищи, которую поглощал этот подвижник науки. А сколько он перечитывал во время своих ежегодных научных разведок в библиотеках и архивах России и заграницы!

В начале семинарских занятий между студентами распределялись

темы рефератов. Ф. И. был в высшей мере требователен, особенно к тем своим ученикам, у которых он замечал усердие и способности к науке. Так как число участников семинара было невелико, то на долю этих „избранников“ приходилось иногда по 2—3 реферата в семинар, и притом на наиболее трудные темы. Реферат должен был подаваться профессору заблаговременно. В назначенный день автор реферата читал на семинаре свое произведение или часть его, если реферат был велик, затем следовал разбор профессора и если он удостаивал работу удовлетворительной оценки, то это было великим событием в жизни молодого автора.

Укажу на примеры рефератной работы на одном из семинаров Ф. И. В 1890 г. появилась книга Рудольфа Зомы о происхождении немецких городов. Ф. И. поручил мне приготовить работу на эту тему. Дело, конечно, не ограничивалось реферированием книги Зомы, хотя и это было для студента нелегкой работой в ограниченный срок, так как у Зомы приводятся многочисленные и большие отрывки из старинных грамот на латинском и на старо-немецком языках. Необходимо было сопоставить теорию Зомы с теориями Вайца, А. Шульте, Белова, Маурера, Ратгена, Гегеля, Арнольда и Лампрехта, изучить многочисленные термины по реальному лексикону германских древностей Гетцингера и в этимологических словарях германских языков и ознакомиться с рядом грамот в сборнике Генглера. Отмечу здесь, что к услугам студентов был историко-филологический кабинет, где имелась хорошо подобранная библиотека важнейших источников, специальных словарей, сборников, монографий и т. п., и что заведывал кабинетом кто-нибудь из приват-доцентов. Чтобы справиться с возложенной на меня задачей, потребовались три недели упорного труда. В том же семестре Ф. И. поручил мне составить работу о королевской власти у германцев. Требовалось тщательно изучить „классические места“ у Цезаря, Тацита, Страбона, Павла Дьякона, Сократа, Иордана, Прокопия и в „Салической правде“, сопоставить воззрения Кортюма, Вайца, Рота, Вильда, Дана, Зибеля и Баумшторка и на этом материале посылно создать „собственное воззрение“ референта. Повторяю, что работать у Ф. И. было очень трудно, но очень полезно.

Скажу несколько слов о преподавании Ф. И. античной истории. Излагая доисторический период Греции, он привлекал выводы археологии и сравнительной филологии (весьма осторожно относясь к специалистам по мифологии). Критско-микенский период он излагал для своего времени очень интересно. Разбирая гомеровский вопрос, он знакомил студентов с воззрениями Вольфа, Грота, Кокса, Бергка, Фолькмана и Крамера. При изложении периода от

переселения дорян до персидских войн Ф. И. делал обстоятельный экскурс в область источниковедения (эпиграфический материал, Павсаний, Фукидид, Плутарх, Страбон и др.) и знакомил студентов с трудами Шемана, Германа, Бэка, Грота, Ваксмута, Курциуса, Куна, Гильберта и др. В разделе о греко-персидских войнах Ф. И. много внимания уделял Геродоту. Говоря о делосской симмахии, он знакомил с результатами раскопок на острове Делосе. Для освещения эпохи Перикла привлекался эпиграфический материал, Павсаний, Фукидид, труды по греческим древностям Шемана и Германа и монографии Шмидта, Люперольского, Филиппи и Шварца. В разделе о Пелопоннесской войне делался интересный критический экскурс о Фукидиде, привлекались работы Ульриха, Классена, Гильберта, Бузольта, Белоха, ряд журнальных статей и др. Изложение истории Греции не выходило за пределы 404 г. до н. э.

Очень солидно для своего времени Ф. И. строил курс истории Рима. На данных археологии, эпиграфики, сравнительной лингвистики и других вспомогательных дисциплин он знакомил студентов с до-римской Италией. Затем следовала обстоятельная глава о римских анналистах, о Т. Ливии, Дионисии Галикарнасском, Полибии, Плутархе, Диодоре Сицилийском, Цицероне, Дионе Кассии, Аппиане и др. В следующем разделе обстоятельно излагалась историография по истории Рима, от XVIII в. до новейшего времени, причем давалась подробная характеристика трудов Нибура, Mommsen, Шwegлера, Дюрюи и других ученых. Изложение доводилось до конца республики. Как и в истории Греции, Ф. И. проявлял заостренный интерес к аграрным отношениям в Риме, особенно в эпоху Гракхов.

До сих пор я говорил о Ф. И. как о профессоре. Перехожу к характеристике его как научного руководителя, причем мне опять придется говорить, главным образом, о том, как он руководил моими работами.

Студент, оканчивавший курс наук, обязан был в то время представить в государственную экзаменационную комиссию письменную работу, которая официально называлась „дипломным сочинением“, а по традиции — „кандидатской диссертацией“. По соглашению с Ф. И., я выбрал для этой диссертации тему из древнейшей истории Рима („Римская община до 493 г. Историко-критическое исследование“). Тема была навеяна лекциями Ф. И. по римской истории и лекциями по римским государственным древностям Э. Р. Штерна (классика, отличного знатока древней истории и археологии). Требовалось прежде всего изучить источники: анналистов (фрагменты) — Ливия (I—II), Дионисия Галикарнасского (I—V), Плутарха, Цицерона („О законах“ и „О государстве“), Аппиана, Диона Кассия

(фрагменты), А. Геллия, Зонару и др. Затем необходимо было проделать работу по критике источников с помощью специальных трудов Класона, Петера, Аландского, Нича и др., часто противоречивых в своих оценках. Далее следовало параллельное критическое обследование общих трудов по истории Рима (Нибура, Дюрюи, Момзена, Шwegлера, Инэ, Ваксмута, Петера и др.), по римскому государственному праву и по политическим древностям (Момзена, Маркварда, Виллемса, Ланге, Игеринга и др.), монографий и специальных работ (Момзена, Азаревича, Целлера, Инэ, Зольтау, Фюстель де Куланжа и др.) и ряда статей в филологических и исторических журналах.

После этой предварительной работы необходимо было представить картину событий и отношений в древнейшем Риме и изложить систему развития римских государственных учреждений до начала V в. до н. э. (сенат, комиции, магистратура). Сохранившаяся у меня одобрительная рецензия Ф. И. Успенского на эту диссертацию, написанную в 1891/1892 г., окрылила меня на дальнейшую научную работу. Ф. И. очень желал оставить меня при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессуре, но опасался возражения со стороны начальства, так как в конце 1886 г. я был подвергнут репрессии в связи со студенческим движением. Ф. И. нашел выход: „У вас, — сказал он мне, — имеются все права на профессорскую стипендию, но при данных условиях вам ее не дадут. Вам необходимо создать себе внеконкурсное положение. По моему предложению, на 1892/1893 г. объявлен конкурс на медальную диссертацию под заглавием: „Военное устройство Византийской империи“. Напишите работу, получите золотую медаль, и вы будете вне конкурса“. Я с радостью погрузился в исследование одной из наиболее темных сторон византийской организации, но справедливость требует отметить, что тема была выбрана неудачно; она явно превышала силы студента, и справиться с нею мог бы только зрелый и многоопытный ученый, да и то ценою немалых усилий. Ведь и в настоящее время, спустя 50 слишком лет, у нас нет еще полноценной работы на эту тему.

Для решения поставленной мне задачи приходилось изучать византийских историков и хронистов, изданных в подавляющем большинстве плохо, без указателей имен и предметов. Приходилось изучать дошедшие до нас римские и византийские сочинения по стратегии и тактике, как будто созданные для того, чтобы ставить непреодолимые препятствия исследователю; критики выдвинули самые разнообразные предположения относительно личности авторов и времени написания многих сочинений этой категории.

Приходилось изучать византийское законодательство, начиная от Феодосия II (V в.), сборники актов (Миклошича и Мюллера) и ряд таких памятников, как „Путеводитель“ Гиерокла (VI в.), „Расписание военных и гражданских должностей“ (V в.), сочинения Константина Багрянородного и др. Литература по истории военной организации и военного искусства (Энгельштофта, Хр. Ланге, Беньямина, Кона, Момзена, М. Иенса) была в общем бедна.

Существовавшие в то время труды по истории Византии (Финлея, Гердберга, Рамбо, Бюри и др.), а также специальные работы Ф. И. Успенского, В. Г. Васильевского, Шлемберже в общем ценны, но для решения поставленной мне задачи они давали мало. Изнемогая от непосильной работы, я хотел было отказаться от нее, но Ф. И. поддержал меня и, между прочим, рассказал, как он сам изнемогал в 1871 г. над конкурсным сочинением о первых славянских монархиях на северо-западе, собирался было отказаться от него, но ободрение со стороны В. И. Ламанского помогло довести дело до благополучного конца.

В процессе работы я убедился в том, что мне необходимо раздвинуть хронологические рамки своего исследования, начать его не с VIII в., как предполагал Ф. И., а с VI в. В результате, я не успел закончить работы в установленный срок и по формальным признакам не имел права на премию, но факультет все-таки присудил мне в 1893 г. золотую медаль за проделанную часть работы (профессорской стипендии начальство мне все-таки не дало).

В Одессе Ф. И. учредил при Историко-филологическом обществе Византийское отделение, проводившее свои особые заседания и печатавшее доклады своих членов, в том числе бывших учеников Ф. И. Отделение это служило органом пропаганды византийских и византино-славянских научных занятий.

С отъездом Ф. И. в 1894 г. в Константинополь византиноведение в Одессе замирает. Созданное им „содружество византологов“ распалось. Н. П. Кондаков (знаменитый специалист по византийскому искусству) еще в 1888 г. переехал в Петербург. После Ф. И. Успенского покинул Одессу и выдающийся историк литературы А. И. Кирпичников (перешел в Московский университет).

Я поддерживал связь с Ф. И. Успенским из Петербурга, куда я переехал в 1895 г. С 1901 г. мы усиленно переписывались с Ф. И., я помогал ему в его хлопотах по Археологическому институту в Константинополе. Мы виделись во время его приездов в Петербург. Что Ф. И. был прирожденный педагог и горячий пропагандист своей науки, я еще раз убедился в 1908 г., когда, во главе экскурсии учащейся молодежи и педагогов, посетил Кон-

стантинополь. Ф. И. читал экскурсантам лекции, знакомил их с институтским музеем, сам водил их в Ая-Софию и к другим важнейшим памятникам, предоставляя секретарю Института Б. А. Панченко роль проводника по менее замечательным местам.

В двадцатых годах моя переписка с Ф. И. особенно оживилась. В одном письме 1925 г. он сообщает, как его приветствовали 8 февраля с восьмидесятилетием, „но, — пишет он, — мне особенно жутко приходилось чувствовать отсутствие учеников, которых мне не удалось иметь подле себя и которых я рассеял в своей скитальческой жизни. Исключение составляли ученики, приобретенные в последние годы в Ленинградском университете. Состоя в сношениях с ними, я приобщаюсь к новым поколениям“. И дальше: „Все еще не теряю надежды на возобновление деятельности Константинопольского института“.

В 1927—1928 гг. мне привелось еще раз стать под ученое руководство Ф. И. Путем переписки он склонил меня организовать в Одессе отделение Русско-византийской комиссии, в которое я привлек группу профессоров — своих коллег по Одесскому университету. Отделение это, утвержденное Академией Наук СССР, поставило себе задачей содействие работам Русско-византийской комиссии над переизданием греческого словаря Дюканжа и восстановление в Одессе изучения Византии.¹ В целом ряде писем Ф. И. с удивительным энтузиазмом входит в детали занятий руководимой мною группы, одобряет наш план работы, инструктирует нас о согласовании в методе и системе работы, утверждает список византийских писателей, избранных нами для обработки, и пр. „Пока я не сошел со сцены, — пишет Ф. И., — я хотел бы дать византизму в России надежду на существование после меня“. Он радуется сделанному нами „робкому шагу по возобновлению в Одессе занятий византиноведением“ и, между прочим, спрашивает меня, не смогу ли я дать рецензию на вышедший труд „Вазелонские акты“ (письмо от 30 мая 1927 г.). Еще один интересный штрих. В ноябре 1927 г., по случаю 35-летия моей педагогической и научной деятельности, собралась довольно большая группа историков и филологов, старых и молодых. Мы все признали себя учениками Ф. И. и послали ему приветственную телеграмму. Ф. И. ответил мне письмом, где писал, между прочим: „В Вашем приветствии блеснул для меня свежий луч неугасшей памяти о молодой, одушевленной горячим чувством любви к университетской молодежи моей преподавательской поры в Одессе. Поверьте,

¹ Византийский Временник, т. XXV, Приложение, стр. 165.

ничего так не может волновать старого профессора, как напоминание о давно минувших временах его бодрой деятельности и хотя бы намек на сохранившуюся добрую память в местах его давней преподавательской работы“.

А в 1928 г. наступили болезнь и смерть...

Одесский государственный университет имени И. И. Мечникова, в связи со столетием со дня рождения Ф. И. Успенского, 20 лет проработавшего в этом Университете, организовал 27 и 28 мая 1945 г. научную сессию и выставку „Византия и славяне“, посвященную его памяти. В заключение своего доклада на сессии о жизни и деятельности Ф. И. я выразил надежду, что сессия и выставка послужат стимулом к объединению научных работников Одессы в области истории и филологии для возрождения в нашем городе занятий по византиноведению и славяноведению, — занятий, получающих в настоящее время актуальнейшее значение. Одесса в прошлом была крупным центром византиноведения и славяноведения; необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы увеличить кадры одесских византологов и славистов и создать условия для плодотворной их деятельности над такими научными проблемами, которые связаны с жизненными интересами нашей великой Родины.
